

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЖЮЛЯ ВЕРНА. XIV

ВЕЛИКОЛѢПНОЕ ОРИНОКО

[Le superbe Orénoque]

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Красл'у

A643520B

03.09.07

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА.
Стремянная ул., № 12, соботъ д.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВЫ.	ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	СТР.
I.	М. Мигуэль и его два товарища	3
II.	Сержантъ Мартыаль и его племянникъ	13
III.	На борту „Симона-Боливара“.	22
IV.	Первыя извѣстія.	33
V.	„Марипаръ“ и „Галинетта“.	43
VI.	Отъ острова къ острову	53
VII.	Между Буэна-Вистой и Урбаной	63
VIII.	Пыльное облако на горизонтѣ.	72
IX.	Три пироги плывутъ вмѣстѣ.	86
X.	У устья Меты.	96
XI.	Стоянка у деревни Атуръ.	108
XII.	Нѣсколько наблюденій Германа Патерна.	120
XIII.	Поклоненіе тапиру.	129
XIV.	„Шубаско“	138
XV.	Санъ-Фернандо.	14

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.	Нѣсколько словъ о прошломъ	162
II.	Первый переходъ	171
III.	Двухдневная остановка въ Данакъ.	182
IV.	Послѣдніе совѣты Мануэля Ассольтіона.	193
V.	Быки и электрическіе угри.	203
VI.	Ужасныя безпокойства	214
VII.	Лагерь у пика Монуаръ.	227
VIII.	Молодой индѣецъ	237
IX.	Черезъ Сьерру.	245
X.	Бродъ Фраскаэсъ.	255
XI.	Миссія Санта-Жуана	266
XII.	Въ пути	275
XIII.	Два мѣсяца въ миссіи	283
XIV.	До свиданья!	293

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

І. М. Мигуэль и его два товарища.

— Кажется, этотъ споръ никогда не кончится,—сказалъ М. Мигуэль, стараясь вмѣшаться въ разговоръ двухъ горячихъ спорщиковъ.

— Пусть онъ не кончится...—отвѣтилъ М. Фелипъ,—по крайней мѣрѣ, я своего мнѣнія не уступлю М. Варинасу...

— Я тоже не откажусь отъ моего убѣжденія въ пользу М. Фелипа!—возразилъ М. Варинасъ.

Цѣлыхъ три часа уже спорили между собой эти упрямые ученые по поводу Ориноко, не уступая ни въ чемъ другъ другу.

Вопросъ шелъ о томъ, направляется-ли эта знаменитая американская рѣка, главная артерія Венецуэллы, въ первой половинѣ своего теченія съ востока на западъ, какъ это показано на главнѣйшихъ картахъ, или же съ юго-запада? Въ послѣднемъ случаѣ, не ошибка-ли считать притоками Ориноко Гуавиаръ и Атабапо?

— Атабапо—это и есть Ориноко,—утверждалъ М. Фелипъ.

— Нѣтъ, Гуавиаръ,—съ такимъ же упорствомъ утверждалъ М. Варинасъ.

Что касается М. Мигуэля, то онъ держался мнѣнія, общепризнаннаго современными географами: источники Ориноко расположены въ той части Венецуэллы, которая граничитъ съ Бразиліей и англійской Гвіаной, такъ что эта рѣка венецуэльская на всемъ своемъ протяженіи. Напрасно, однако, М. Мигуэль пытался примирить своихъ друзей, которые, къ тому же, никакъ не могли столковаться и по другому важному пункту.

— Нѣтъ,—повторялъ одинъ изъ нихъ,—Ориноко беретъ свое начало въ колумбійскихъ Андахъ, и Гуавіаръ, который вы считаете за притокъ, онъ и есть Ориноко, колумбійскій въ своемъ верхнемъ теченіи, венецуэльскій—въ нижнемъ.

— Вы заблуждаетесь,—возражалъ другой,—это Атабапо образуетъ Ориноко, а не Гуавіаръ.

— Друзья мои, полно вамъ!—отвѣчалъ М. Мигуэль,—я предпочитаю думать, что одна изъ величайшихъ рѣкъ Америки орошаетъ только лишь нашу родину!

— Тутъ дѣло идетъ не о самолюбіи,—возразилъ М. Варинасъ,—но о географической истинѣ, Гуавіаръ...

— Нѣтъ... Атабапо!—воскликнулъ М. Фелипъ.

И оба противника, быстро вскочивъ на ноги, уставились другъ на друга.

— Господа... господа!—повторилъ М. Мигуэль, превосходный человѣкъ, чрезвычайно стоворчивый по натурѣ.

Въ комнатѣ, покой которой былъ нарушенъ этимъ горячимъ споромъ, висѣла на стѣнѣ карта. На ней, въ крупномъ масштабѣ, изображена была площадь испано - американской Венецуэллы, занимающая девятьсотъ семьдесятъ двѣ тысячи квадратныхъ километровъ. Какъ она измѣнилась со времени политическихъ событій 1499 г., когда Хойеда, товарищъ Флорентина Америго Веспуччи, высадившись на берегу залива Маракаибо, открылъ поселокъ, выстроенный посреди лагуны на сваяхъ, почему онъ и назвалъ его Венецуэллой, т. е. «Маленькой Венеціей»? Послѣ войны за освобожденіе, героемъ которой былъ Симонъ Боливаръ, послѣ основанія Каракаса, послѣ дѣленія Колумбіи отъ Венецуэллы въ 1839 году, — отдѣленія, послѣ котораго послѣдняя провинція стала независимой республикой,—эта мѣстность изображалась на картахъ, такъ какъ это было установлено основнымъ статутомъ. Раскрашенные линіи раздѣляли область Ориноко на три провинціи: Варинасъ, Гвіана, Апуръ. Отчетливая штриховка карты ясно обозначала, какъ рельефы ея орографіи, такъ и низменности гидрографической системы, гдѣ выдѣлялись тонкими линіями рѣки и рѣчки. Къ Антильскому морю тянулась ея морская граница, отъ провинціи Маракаибо съ городомъ-столицей того же имени, до устья Ориноко, которое отдѣляетъ область отъ англійской Гвіаны.

М. Мигуэль смотрѣлъ на эту карту, которая очевиднымъ образомъ опровергала мнѣнія его товарищей Фелипа и Вари-

наса. Какъ разъ на поверхности Венецуэллы вырисовывалась изящнымъ полукругомъ громадная рѣка, которая, какъ въ своемъ первомъ сгибѣ, гдѣ она принимаетъ воды притока Апура, такъ и на второмъ сгибѣ, гдѣ Гуавиаръ и Атабапо несутъ ей воды съ Кордильеръ, только и могла называться на всемъ своемъ протяженіи этимъ великолѣпнымъ именемъ Ориноко.

Почему же, въ такомъ случаѣ, Варинасъ и Фелипъ такъ упорно искали источника этой рѣки въ горахъ Колумбіи, а не въ горныхъ массахъ Сьерры Паримы, лежащей рядомъ съ вершиной Рорайма, этимъ центромъ вышиною въ 2,300 метровъ, гдѣ сходятся углы этихъ трехъ государствъ Южной Америки—Венецуллы, Бразиліи и англійской Гвіаны?

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что эти два географа были не единственными людьми, державшимися подобнаго мнѣнія. Несмотря на отважныя изысканія изслѣдователей, поднимавшихся по Ориноко почти до самыхъ его источниковъ, какъ Діазъ Фуантъ въ 1760, Бобадилла въ 1764, Робертъ Шомбургъ въ 1840; несмотря на открытіе француза Шаффаньона, этого отважнаго путешественника, который водрузилъ французскій флагъ на склонахъ Паримы, покрытыхъ источниками Ориноко; несмотря на всѣ эти факты, казалось бы, столь очевидные, вопросъ оставался нерѣшеннымъ для нѣкоторыхъ скептиковъ—учениковъ св. Тома, такихъ же требовательныхъ въ доказательствахъ, какъ и онъ.

Было бы, однако, преувеличеніемъ предполагать, чтобы этотъ вопросъ занималъ широкіе слои публики въ эту эпоху, въ 1893 году. Что онъ возникъ два года тому назадъ при опредѣленіи границъ, когда Испанія, выбранная арбитромъ, окончательно разграничила Колубію отъ Венецуэллы,—это возможно. Онъ могъ бы такъ же возникнуть, если бы рѣчь шла объ опредѣленіи границы вдоль Бразиліи. Но на два милліона двѣсти пятьдесятъ тысячъ жителей, изъ которыхъ триста двадцать пять тысячъ индѣйцевъ, прирученныхъ или независимыхъ, живущихъ среди лѣсовъ и саванъ, изъ которыхъ другіе 50,000 негры или метисы, затѣмъ иностранцы, англичане, итальянцы, голландцы, французы, нѣмцы,—на такое число, конечно, только ничтожная часть могла интересоваться этой гидрографической темой и спорить о ней. По всюду все же можно было встрѣтить двухъ венецуэльцевъ, въ доли-ли Варинаса, отстаивающаго права Гуавиара, или же въ

роли Фелипа, отстаивающего права Атабапо называться Ориноко, не считая и тѣхъ случайныхъ слушателей, которые охотно вмѣшивались въ подобный споръ.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что М. Мигуэль и его два друга были учеными изъ тѣхъ старцевъ, съ плѣшивыми головами и сѣдыми бородами, которые слывутъ учеными крысами. Нѣтъ! Но они все-таки были учеными и даже пользовались славой за предѣлами своей страны. Старшему изъ нихъ, М. Мигуэлю, было лѣтъ 45; другіе два были нѣсколькими годами моложе его. Всѣ они были очень живые, экспансивные люди, выдававшіе, однако, свое голландское происхождение, — происхождение знаменитаго Боливара и большинства бѣлыхъ въ этихъ республикахъ экваторіальной Америки, бѣлыхъ, которые, смѣшавшись съ корсиканцами и индѣйцами, не имѣютъ, однако, ни одной частички негритянской крови.

Эти три географа встрѣчались ежедневно въ библиотекѣ университета Боливара. Здѣсь Варинасъ и Фелипъ, несмотря на неоднократныя рѣшенія не вступать въ споры, увлекались мало-по-малу въ обсужденіе вопроса объ Ориноко. Даже и послѣ столь убѣдительнаго обслѣдованія французскаго путешественника, защитники Атабапо и Гуавіара продолжали каждый отстаивать свою точку зрѣнія.

Читатель уже могъ убѣдиться въ томъ изъ приведенныхъ нами разговоровъ. И споръ завязывался и разгорался, вопреки М. Мигуэлю, который тщетно старался умѣрить жаръ своихъ товарищей.

И это несмотря на высокую внушительную фигуру М. Мигуэля, на его аристократическую наружность, съ его русой бородой, въ которой можно было замѣтить нѣсколько серебряныхъ нитей; несмотря на авторитетность его положенія и его шляпу цилиндрическаго вида, напоминающую основателя испано-американской независимости.

Въ тотъ день, съ котораго начинается нашъ рассказъ, М. Мигуэль, по обыкновенію, не переставалъ спокойно, но внушительно, восклицать:

— Не пылите, друзья мои! Откуда бы ни текло Ориноко, съ востока или запада, оно отъ этого не сдѣлается менѣе венегуэльскимъ; это — отецъ водъ нашей республики...

— Дѣло не въ томъ, чей это отецъ, — отвѣтилъ вскипѣвшій Варинасъ, — а въ томъ, чей это сынъ, — родился-ли онъ изъ горъ Парима, или же изъ колумбійскихъ Андъ...

— Изъ Андѣ!.. изъ Андѣ! — выкрикнулъ поспѣшно Фелипъ, пожимая плечами.

Очевидно, ни тотъ, ни другой ни за что не хотѣли уступить въ вопросѣ о происхожденіи Ориноко, каждый считая его различнымъ.

— Послушайте, дорогіе коллеги,—вмѣшался въ разговоръ М. Мигуэль, желавшій привести ихъ къ какому-нибудь соглашенію,—достаточно бросить взглядъ на эту карту, чтобы убѣдиться въ слѣдующемъ: откуда бы ни текло Ориноко, а въ особенности, если съ востока, оно образуетъ очень правильную дугу, гораздо болѣе правильную, чѣмъ тотъ зигзагъ, который придали бы ему Атабапо, или Гуавиарь...

— А не все-ли равно, образуетъ оно правильную дугу, или нѣтъ...—воскликнулъ М. Фелипъ.

— Особенно, если оно въ своихъ формахъ соотвѣтствуетъ природѣ территоріи!—добавилъ М. Варинасъ.

И, дѣйствительно, совсѣмъ не важно было, чтобы кривыя оказались вырисованными. Вопросъ шелъ о чисто географической, а не художественной сторонѣ дѣла. М. Мигуэль былъ не правъ. Онъ сразу почувствовалъ это. И ему пришла въ голову мысль воспользоваться новымъ аргументомъ, чтобы направить споръ въ иную сторону. Въ самомъ дѣлѣ, найти средство примирить обоихъ противниковъ на одномъ мнѣніи было невозможно. Но онъ надѣялся, что, можетъ быть, они, какъ собаки, сбившіяся съ одного слѣда, бросятся по друому.

— Хорошо,—сказалъ М. Мигуэль,—оставимъ мою точку зрѣнія въ покоѣ. Вы утверждаете, Фелипъ,—и съ какой настойчивостію!—что Атабапо не притокъ Ориноко, а именно Ориноко...

— Да, я утверждаю это.

— А вы, Варинасъ, вы поддерживаете, — и съ какимъ упрямствомъ! — противоположное мнѣніе, что Ориноко — это Гуавиарь...

— Именно.

— Ну, такъ почему же не предположить,—продолжалъ М. Мигуэль, воля пальцемъ по картѣ вдоль спорнаго теченія, что вы ошибаетесь оба?..

— Оба!..—воскликнулъ М. Фелипъ.

— Только одинъ изъ насъ ошибается, — сказалъ Варинасъ,—и это не я!

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ЖЮЛЯ ВЕРНА.

ДЕРЕВНЯ ВЪ ВОЗДУХЪ

[Le village aérien].

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА.

Стремянная ул., № 12, собств. д.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ГЛАВЫ.	СТР.
I. Караванъ охотниковъ	3
II. Влуждающіе огни	12
III. Разсѣялись	19
IV. Рѣшеніе принято	28
V. Первый день пути	35
VI. Все въ томъ же юго-западномъ направленіи.	40
VII. Пустая клѣтка	46
VIII. Докторъ Іохаузенъ.	51
IX. По теченію рѣки Іохаузена.	59
X. Нгора.	64
XI. День 19-го марта	71
XII. Въ лѣсу.	76
XIII. Деревня въ воздухѣ.	85
XIV. Вагдди	93
XV. Три недѣли среди лѣсныхъ обитателей.	101
XVI. Его величество Мсело-Тала-Тала	110
XVII. Что случилось съ докторомъ Іохаузеномъ	118
XVIII. Неожиданная развязка	124

І. Караванъ охотниковъ.

— Ну, что, Джонъ, объ американскомъ Конго и рѣчи нѣтъ?—спросилъ Максъ Гюберъ.

— Да зачѣмъ онъ намъ, любезный Максъ, — отвѣтилъ Джонъ Кортъ, — у насъ, слава Богу, нѣтъ недостатка въ пустыхъ земляхъ: отъ Аляски до Техаса раскинулись громадныя пространства, гдѣ мы у себя дома можемъ насаждать колонизацію, что, я думаю, несравненно полезнѣе, чѣмъ заниматься этимъ въ другихъ странахъ.

— Мнѣ кажется, недалеко то время, когда народы Европы подѣлятъ между собой весь африканскій материкъ! Неужели же американцы допустятъ, чтобы вся Африка осталась въ рукахъ Англіи, Германіи, Голландіи, Португаліи, Франціи, Италіи, Испаніи и Бельгіи?

— Ни русскимъ, ни американцамъ не нужны эти земли, и по одной и той же причинѣ...

— По какой?

— Зачѣмъ утруждать ноги, когда достаточно протянуть руку?—сказалъ Джонъ Кортъ.

— Нѣтъ, что тамъ ни говори, мой милый Максъ, а не сегодня—завтра Федеральное правительство пожелаетъ получить свою долю африканскаго пирога. Есть Конго французскій, затѣмъ бельгійскій Конго, Конго нѣмецкій, не говоря уже о независимомъ Конго, который, впрочемъ, только того и ждетъ, какъ бы разстаться со своей независимостью! А всѣ эти земли, какія мы посѣтили въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ? Нѣтъ, какъ хотите, а Штаты могли бы выкроить себѣ здѣсь прекрасную колонію!

— Въ которой можно будетъ изжариться заживо! — пошутилъ Джонъ Кортъ.

— Велика важность жара! Не забудьте, что теперь еще только мартъ! Что же бы вы сказали въ іюлѣ или августѣ, когда солнце печетъ, точно пронизывая васъ раскаленными иглами?

— Нѣтъ, Максъ, что ни говорите, а намъ съ вами не такъ легко сдѣлаться занзибарцами или обитателями страны какихъ-нибудь Пагуиновъ. Впрочемъ, хотя я очень радъ вернуться въ Либревилль («Свободный городъ»), въ наши факторіи, а нужно сознаться, путешествіе наше было чрезвычайно интересное и пріятное!

— Конечно, оно было не лишено интереса, — сказалъ Максъ Гюберъ, — но, признаюсь, я ожидалъ отъ него большаго!

— Богъ съ вами, Максъ! Чего еще вамъ пужно? Цѣлыя сотни миль странствованія по непроходимымъ дебрямъ, множество самыхъ неожиданныхъ и небезопасныхъ приключеній, встрѣчи съ дикими племенами туземцевъ, охоты на пантеръ, львовъ и слоновъ, въ угоду нашему вождю Урдасу, давшія намъ громадное количество превосходнѣйшей кости, — а вы еще недовольны!

— Вѣрнѣе, не совсѣмъ доволенъ! Все, что мы съ вами видѣли и испытали во время этого путешествія, видѣли раньше насъ и испытали всѣ побывавшіе въ центральной Африкѣ; все это можно прочесть въ путешествіяхъ Барта, Буртона, Слика, Гранта, Ливингстона, Стэнли, Серпа Пинто, Андерсона, Камерона, Массари, Браццы, Висмана, Буонфанти, Галлиени, Дыбовскаго и др. Мнѣ же хотѣлось бы чего-нибудь необычайнаго, выходящаго изъ ряда вонъ!

— Иначе говоря, вамъ хотѣлось бы, напр., побывать въ желудкѣ льва, или какого-нибудь людоеда изъ племени Убанги, не такъ ли, милый Максъ?

— Нѣтъ, Джонъ, не то! Мнѣ только хотѣлось увидѣть и испытать то, чего никто другой еще не видѣлъ и не испыталъ, открыть что-нибудь новое, никому еще не извѣстное.

— Ахъ, ненасытный! Впрочемъ, вы можете утѣшиться, мой милый Максъ: вѣдь наше путешествіе еще не кончено. Отсюда до Либревилля намъ предстоитъ еще пять или шесть недѣль пути, и за это время...

— Полноте, Джонъ! За это время ничего такого не мо-

жетъ случиться. Это ничто иное, какъ самая обычная прогулка въ дилижансѣ, отъ станціи до станціи, какъ въ былыя времена...

— Какъ знать!—проговорилъ Джонъ Кортъ.

Въ этотъ моментъ фургонъ, въ которомъ ѣхали наши туристы, остановился. Здѣсь рѣшено было сдѣлать привалъ и расположиться на ночлегъ.

Мѣсто остановки пришлось у подножія небольшого холма, на которомъ росло нѣсколько прекрасныхъ деревьевъ, единственныхъ, которыхъ можно было видѣть на всемъ необъятномъ пространствѣ этой залитой солнцемъ равнины.

Солнце стояло уже совсѣмъ низко и, хотя было только семь часовъ вечера, но въ этихъ широтахъ, гдѣ совершенно не бываетъ сумерокъ, ночь наступаетъ быстро; на этотъ же разъ можно было ожидать особенно темной ночи, такъ какъ небо заволакивали тучи, а тонкій серпъ блѣднаго мѣсяца недавно скрылся съ горизонта.

Фургонъ, предназначенный исключительно для путешественниковъ, не заключалъ въ себѣ ни товаровъ, ни съѣстныхъ припасовъ. Это былъ родъ вагона на тяжелыхъ деревянныхъ колесахъ, запряженный шестью волами. Въ задней части его была дверь, а внутренность раздѣлялась перегородкой на двѣ половины, въ родѣ комнатокъ, куда свѣтъ проникалъ черезъ маленькія окна въ боковыхъ стѣнкахъ фургона. Задняя комнатка служила помѣщеніемъ для двухъ молодыхъ людей, американца Джона Корта и француза Макса Гюбера. Переднюю же половину занималъ португалецъ Урдакъ, торговецъ по профессіи, и «форлоперъ» Камись. Форлоперомъ называется обыкновенно въ Африкѣ предводитель каравана; онъ былъ родомъ изъ Камеруна и былъ очень свѣдущъ въ трудномъ дѣлѣ проводника по этимъ дебрямъ и пустынямъ страны Убанги.

Въ смыслѣ прочности и надежности своей конструкции, фургонъ не оставлялъ желать ничего лучшаго; и дѣйствительно, несмотря на дальнее и трудное путешествие, онъ былъ въ настоящее время въ такомъ видѣ, какъ будто сдѣлалъ всего нѣсколько миль по хорошей, ровной дорогѣ.

Между тѣмъ, три мѣсяца тому назадъ, фургонъ этотъ покинулъ Либревиль, столицу французскаго Конго, и оттуда, слѣдуя по направленію къ востоку, проникъ въ глубь долины Убанги за Багръ-эль-Абиадъ, впадающій въ озеро Чадъ, съ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ЖЮЛЯ ВЕРНА.

РОБУРЪ-ПОБѢДИТЕЛЬ

[Robur le Conquérant].

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА.
Стремянная, № 12, собств. д.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ГЛАВЫ.	СТРАН.
I. И невѣжды и ученые въ недоумѣніи	3
II. Нерѣшенный споръ членовъ Вельдонскаго института.	8
III. Незнакомецъ рекомендуется	16
IV. Возстановленіе репутаціи луны въ отвѣтъ на рѣчь лакея Фриколена	24
V. Президентъ и секретарь Вельдонскаго клуба заключаютъ перемиріе	31
VI. Интересная для инженеровъ, техниковъ и прочихъ ученыхъ	39
VII. Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ остаются себѣ вѣрны.	47
VIII. Робуръ даетъ отвѣтъ на заданный вопросъ	55
IX. „Альбатросъ“ пролетаетъ десять тысячъ километровъ и совершаетъ чудовищный прыжокъ	65
X. Какъ и почему лакея Фриколена взяли на буксиръ.	77
XI. Гнѣвъ дяди Прюдана возрастаетъ пропорціонально квадрату скорости аэронефа	87
XII. Робуръ совершаетъ великодушный поступокъ . . .	93
XIII. Перелетъ черезъ океанъ	102
XIV. „Альбатросъ“ совершаетъ то, что недоступно никому другому	109
XV. Вещи, достойныя вниманія читателей	119
XVI. Читатель испытаетъ нѣкоторое недоумѣніе	126
XVII. Что было два мѣсяца назадъ и что было три мѣсяца спустя	131
XVIII. Окончаніе, но не конецъ	138

І. И невѣжды и ученые въ недоумѣніи.

— Трахъ! трахъ!—и два выстрѣла грянули одновременно изъ двухъ пистолетовъ. Пасшейся невдалекѣ коровѣ шальная пуля угодила въ спину, что для нея явилось полною неожиданностью, такъ какъ она не принимала участія въ дуэли. Зато изъ противниковъ ни тотъ, ни другой не оказался раненъ. Кто же были эти два дуэлиста? Кто ихъ знаетъ, а между тѣмъ имена ихъ стоило-бы сохранить для потомства. Мы можемъ только сказать, что старшій былъ англичанинъ, а младшій—американецъ. Мѣсто-же, гдѣ бѣдная корова окончила свою мирную жизнь было на правомъ берегу Ніагары, близъ моста, перекинутого съ американскаго берега на Канадскій, на разстояніи трехъ миль отъ водопада.

Англичанинъ подошелъ къ американцу.

— Я все-таки стою на томъ, что это былъ британскій гимнъ «Rule Britannia»,—заявилъ онъ.

— Нѣтъ, это былъ американскій гимнъ «Янки Дудль!»—возразилъ американецъ.

Можно было ждать возобновленія ссоры, но одинъ изъ секундантовъ вмѣшался, вѣроятно изъ участія къ другимъ, коровамъ, и сказалъ:

— Пусть будетъ «Rule Дудль» и «Янки Британія», и пойдемте завтракать.

Компромиссъ между двумя національными гимнами, англійскимъ и американскимъ, былъ къ общему удовольствію принять.

Американецъ и англичанинъ со своими секундантами, поднявшись по берегу Ніагары, расположились для завтрака въ гостиницѣ Готъ-Эйлендъ, серединнаго пункта между двумя водопадами, и мы оставимъ ихъ тамъ за лѣщами, ветчиной, острѣйшими пикулями и цѣлымъ каскадомъ чая, не уступаю-

щимъ Ніагарскому. Впрочемъ, можетъ быть, о нихъ еще пойдетъ рѣчь въ нашемъ разсказѣ.

Чья была правда: американца или англичанина,—трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ, описанная дуэль очень ярко выразила настроеніе, которое овладѣло умами всѣхъ по поводу одного весьма необыкновеннаго явленія.

«*Os sublime dedit coelumque tueri*»,—сказалъ Овидій въ восхваленіе человѣка.

И, дѣйствительно, я думаю, что со времени сотворенія міра не было еще на землѣ такого всеобщаго возведенія очей къ небесамъ. Дѣло въ томъ, что наканунѣ ночью надъ уголкомъ Канады, между озерами Онтарио и Эри, раздались въ воздухѣ какія-то необыкновенные трубные звуки. Однимъ послышались звуки британскаго гимна, другимъ «Янки Дудль». Вотъ, между прочимъ, причина, по поводу которой возникла ссора, окончившаяся завтракомъ въ Готъ-Эйлендѣ. Очень можетъ быть, что никакого гимна вовсе и не было, но звуки были несомнѣнно. Они неслись съ вышины, какъ-бы слетая съ неба. Быть можетъ, то была труба какого-нибудь аппарата, или просто какіе-нибудь шутники-воздухоплаватели, пролетая на воздушномъ шарѣ, вздумали подурачиться? Но нѣтъ. Воздушнаго шара никакого не было видно. Феноменъ былъ совершенно необъяснимый. Эти звуки слышали то въ Америкѣ, то въ Европѣ, а тамъ еще гдѣ-нибудь, напримѣръ, въ Азіи, въ Небесной Имперіи. Если это не звуки трубы архангельской, то что же это такое? Разумѣется, слыша таинственные звуки съ неба, люди всячески старались дознаться причины ихъ. И она, очевидно, находилась не въ безконечномъ пространствѣ, а гдѣ-нибудь въ предѣлахъ земной атмосферы. Всякій знаетъ, что звукъ можетъ распространяться только въ болѣе или менѣе плотной средѣ. Въ данномъ случаѣ звукъ этотъ слышали ясно; слѣдовательно, источникъ его находился въ воздушныхъ слояхъ близъ поверхности земли. Понятно, что о такомъ необыкновенномъ явленіи заговорили всѣ газеты. Объясненій явилось тысячи, но всѣ онѣ только еще болѣе запутывали вопросъ. Читающая публика забыла даже о политикѣ: она интересовалась теперь только однимъ новымъ явленіемъ. Что бы это такое было? Всѣ обсерваторіи міра занялись этимъ вопросомъ. Но если обсерваторіи не могутъ дать прямого отвѣта, то на что-же онѣ годны? Если астрономы, открывающіе все новыя и

новыя звѣзды, не могутъ объяснить этого явленія, то для чего тогда астрономы? Трубы, телескопы, бинокли всего міра устремились къ небу, жадно стараясь напасть на невидимый источникъ звуковъ. На небо было направлено больше оптическихъ инструментовъ, чѣмъ на немъ находится звѣздъ, и все-таки никто ничего не открылъ. Обсерваторіи дали очень уклончивое объясненіе. У каждой было свое особое толкованіе, и всѣ они были разныя. Въ ученomъ мірѣ поднялся ожесточенный споръ. Французскіе астрономы выказали большую сдержанность. Всѣ обсерваторіи Франціи какъ-бы сговорились молчать, но скоро заговорили и онѣ.

Въ ночь съ 6 на 7 мая былъ усмотрѣнъ въ вышинѣ электрическій свѣтъ, продолжавшійся всего секундъ двадцать. На Южномъ Пикѣ свѣтъ былъ видимъ часу въ десятомъ вечера. На метеорологической станціи въ Пюи-Де-Домъ его замѣтили во второмъ часу утра, въ Ниццѣ въ четвертомъ часу и, наконецъ, на Альпахъ, близъ Леманскаго озера, передъ самымъ разсвѣтомъ. Отрицать достовѣрность и значеніе этихъ совокупныхъ наблюденій было невозможно. Оставалось заключить, что или свѣтъ исходилъ изъ разныхъ источниковъ или самый источникъ двигался со скоростью двухсотъ километровъ въ часъ. Являлся вопросъ: не замѣчалось-ли чего-нибудь особеннаго на небѣ днемъ? Ничего не замѣчалось. Но трубные звуки слышались-же въ верхнихъ слояхъ воздуха? Ничего не было слышно въ теченіе дня. Въ Англіи тоже всѣ посходили съ ума. Обсерваторіи поднимали споръ между собою. Гринвичъ никакъ не могъ согласиться съ Оксфордомъ, хотя оба утверждали, что «ничего нѣтъ». Одинъ говорилъ: «обманъ зрѣнія» тогда какъ другой рѣшилъ: «обманъ слуха». И отсюда возникъ страшнѣйшій споръ.

Во всякомъ случаѣ, оба сходились въ томъ, что тутъ былъ «обманъ».

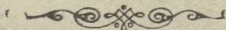
Въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ споръ ученыхъ едва не вызвалъ дипломатическаго конфликта, но завѣдующій русской Пулковской обсерваторіей помирилъ обѣ стороны, доказавъ, что права и та и другая, и что все зависитъ отъ точки зрѣнія, на какую статью: съ практической стороны такъ, а съ теоретической этакъ.

Въ Швейцаріи никто не высказался нивъ какую сторону, но зато въ Италіи на станціяхъ Этны и Везувія наблюдатели

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ЖЮЛЯ ВЕРНА.

ВТОРОЕ ОТЕЧЕСТВО

[Seconde patrie].

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА.

Стремянная, № 12, собств. д.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Почему я написал «Второе отечество».

«Робинзоны» были книгами моего дѣтства, и я сохранилъ о нихъ неизгладимое воспоминаніе. Я много разъ перечитывалъ ихъ и это способствовало тому, что они запечатлѣлись въ моей памяти. Никогда впослѣдствіи, при чтеніи другихъ произведеній, я не переживалъ больше впечатлѣній первыхъ лѣтъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что любовь моя къ этому роду приключеній инстинктивно привела меня на дорогу, по которой я пошелъ впослѣдствіи. Эта любовь заставила меня написать «Школу Робинзоновъ», «Таинственный Островъ», «Два года каникулъ», герои которыхъ являются близкими родичами героевъ Фоэ и Висса. Поэтому никто не удивится тому что я всецѣло отдался сочиненію «Необыкновенныхъ путешествій».

Я вспоминаю заглавія произведеній, читанныхъ мною когда-то съ такой жадностью: «Двѣнадцатилѣтній Робинзонъ» г-жи де-Болье, «Робинзонъ песчаныхъ пустынь» г-жи де-Мирваль.

Въ томъ же родѣ были «Приключенія Роберта» Л. Денуайе, помѣщенные имъ въ «Дѣтскомъ Журналѣ» и столько другихъ рассказовъ, которыхъ я никогда не забуду. Затѣмъ Робинзонъ Крузоэ, это образцовое произведеніе, являющееся, впрочемъ, только отдѣльнымъ эпизодомъ въ длинномъ и скучномъ рассказѣ Даніэля де-Фоэ. Наконецъ, «Кратеръ» Ф. Купера еще увеличилъ мою страсть къ героямъ неизвѣстныхъ острововъ Атлантическаго и Тихаго Океановъ.

Геніальное воображеніе Д. де-Фоэ создало одинокаго чело-вѣка, заброшеннаго на необитаемый островъ и способнаго устроить себя, благодаря своему уму, своей изобрѣтательности, своимъ знаніямъ, а также и благодаря горячей вѣрѣ въ Бога, внушавшаго ему иногда прекрасныя мысли.

*

Не напрашивалось ли само собою описать, послѣ чловѣка, одинокаго въ подобныхъ условіяхъ, цѣлую семью, выброшенную на берегъ послѣ кораблекрушенія, тѣсно связанную семью, не отчаивающуюся въ помощи Провидѣнія? Да, и такимъ было произведеніе Висса, не менѣе живучее, чѣмъ произведеніе Д. де-Фоэ.

Рудольфъ Виссъ, родившійся въ Бернѣ въ 1781 г. и умершій въ 1850 г., былъ профессоромъ университета. Кромѣ «Швейцарскаго Робинзона», появившагося въ Цюрихѣ въ 1812 г., онъ оставилъ еще много сочиненій, относящихся къ его родинѣ.

Въ 1813 году появился первый французскій переводъ «Швейцарскаго Робинзона». Онъ былъ сдѣланъ г-жею Изабеллою де-Ботанъ, баронессою де-Монтолье, родившейся въ Лозаннѣ въ 1751 г. и умершею въ Брюссини въ 1832 г. Она выступила на литературное поприще романомъ въ двухъ томахъ подъ названіемъ «Каролина де-Лихсфильдъ» (1781 г.)

Можетъ быть, есть основаніе предположить, что Рудольфъ Виссъ не былъ единственнымъ авторомъ знаменитаго романа, и что онъ написалъ его въ сотрудничествѣ со своимъ сыномъ. Дѣйствительно, г-жа де-Монтолье посвящаетъ имъ обоимъ продолженіе этого романа, появившееся въ Парижѣ въ 1824 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Швейцарскій Робинзонъ или дневникъ отца семейства, потерпѣвшаго кораблекрушеніе вмѣстѣ со своими дѣтьми».

Итакъ, переводчица возымѣла мысль продолжить переводимое произведеніе; она, и вѣроятно еще многіе другіе, предвосхитили мое намѣреніе, и я не удивляюсь тому, что эта мысль возникла у многихъ.

Дѣйствительно, романъ этотъ не заканчивается прибытіемъ корвета «Lisogne». Вотъ что говорила уже г-жа де-Монтолье въ предисловіи къ своему переводу:

«Четыре послѣдовательныхъ изданія доказали, насколько французское общество сумѣло оцѣнить это произведеніе, составляющее радость дѣтей, а слѣдовательно и ихъ родителей. Но всѣ чувствуютъ недостатокъ продолженія и окончанія. Всѣ интересовались узнать, осталась-ли эта семья на своемъ островѣ, куда стремились всѣ мальчики? Я получила множество писемъ по этому поводу отъ дѣтей, а также и отъ моего издателя съ предложеніемъ дать это продолженіе и удовлетворить ихъ любопытство».

Слѣдуетъ замѣтить, что послѣ перевода г-жи де-Монтолье появилось еще нѣсколько, между прочимъ, переводъ П. Бланшара въ 1837 г.

Изъ этого слѣдуетъ, что если г-жа де-Монтолье была не единственной переводчицей «Швейцарскаго Робинзона», она была также и не единственной его продолжательницей, такъ какъ и я попытался продолжить это произведеніе подъ заглавіемъ «Вторая Родина».

Кромѣ того, въ 1864 г. книгоиздательство Гетцель выпустило новый переводъ этой исторіи, сдѣланный П. Ж. Сталь и Е. Мюллеръ, пересмотрѣвшими ее и придавшими ей болѣе современный характеръ.

Собственно говоря «Вторая Родина», предлагаемая читателямъ, является продолженіемъ именно этого послѣдняго перевода, провѣреннаго также и съ научной точки зрѣнія.

Дѣйствительно, развѣ не было интересно продолжить разсказъ Рудольфа Висса, вернуться къ этой семьѣ, очутившейся въ новыхъ условіяхъ, къ этимъ четверемъ мальчикамъ, къ храброму и предприимчивому Фрицу, къ нѣсколько эгоистичному, но прилежному Эрнесту, къ шалуну Жаку и къ маленькому Франсуа, отмѣтить перемѣны въ ихъ характерахъ, вызванныя возрастомъ и двѣнадцатилѣтнимъ пребываніемъ на островѣ?

Развѣ вступленіе Женни Монтрозъ въ этотъ маленькій міръ послѣ открытія Дымящейся Скалы не должно было измѣнить его существованіе?.. Развѣ прибытіе Уэльстона съ семьей на «Lisogne» и ихъ устройство на островѣ не вызывало продолженія этой исторіи?.. Развѣ не слѣдовало изучить весь этотъ счастливый островъ, только сѣверная часть котораго была извѣстна?..

Развѣ отъѣздъ Фрица, Франсуа и Женни Монтрозъ не дѣлалъ необходимымъ повѣствованіе объ ихъ приключеніяхъ до ихъ возвращенія на Новую Швейцарію?..

Итакъ, я не устоялъ передъ желаніемъ продолжить произведеніе Висса, дать ему окончательную развязку, которую, впрочемъ, придумалъ бы кто-нибудь и другой, рано или поздно.

И тогда, такъ какъ я много думалъ объ этомъ, углублялся въ свой планъ, жилъ со своими героями, во мнѣ совершился слѣдующій феноменъ: я сталъ думать, что она дѣйствительно